

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

С. В. Семочко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 февраля 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме переводимости художественных текстов с позиций теории интертекстуальности. Сложности передачи художественных произведений средствами другого языка связаны, во-первых, с многогранной природой литературных текстов. Во-вторых, почти все художественные произведения обнаруживают интертекстуальные связи с другими текстами, реализация которых в переводном произведении, как правило, является сложной задачей для переводчика и отражает неизбежность изменений в номинативных и дискурсивных стратегиях в тексте перевода.*

Ключевые слова: *интертекстуальность, художественный текст, художественный перевод, прецедентный текст, номинативные стратегии, дискурсивные стратегии.*

Abstract: *the paper covers the issue of literary texts translatability from the point of view of intertextuality theory. Translation of literary texts is difficult mainly because of a complex nature of such texts. Secondly, most literary texts create intertextual connections with other texts, which as a rule poses a problem for a translator and leads to changes in nominative and discursive strategies in the translated text.*

Key words: *intertextuality, literary text, literary translation, culturally important text, nominative strategy, discursive strategy.*

Интертекстуальность, являясь одной из важнейших категорий текстов, особенно художественных, представляет собой очень сложное и многогранное явление. Обратившись к изучению интертекстуальности, необходимо вспомнить М. М. Бахтина, который утверждал, что сегодня литературные произведения не пишутся с «чистого листа», поскольку многие обсуждаемые феномены опираются или (скрыто) цитируют уже известные убеждения, оценки, мысли и оценки [1, с. 89–90]. Так впервые была высказана идея «диалогичности текстов», которую Ю. Кристева в своей концепции заменила термином «интертекстуальность», показав тем самым прямые связи интертекстуальности с феноменом самого текста [2].

Таким образом, в строгом смысле, практически любой текст выступает как интертекст, т. е. «совокупность текстов, отразившихся в данном произведении», а интертекстуальность является при этом устройством, с помощью которого один текст как бы «перезаписывает» другой текст [3, с. 7–9].

Насыщенность повествования интертекстуальными включениями предполагает, что автор намеренно делает заметным для читателя «диалог» между текстами. Сказанное означает, что адресант полагает, что реципиент способен правильно распознать интенцию автора и извлечь смысл из интертекстуальных включений. Значит, для адресата и адресанта важным становится наличие «интертекстуального сознания»

[3, с. 6], что не всегда имеет место быть у обоих коммуникантов, даже если автор и читатель принадлежат к одной лингвокультуре. Поэтому многие скрытые смыслы, недосказанности и намеки автора нередко остаются непонятыми для представителей одного лингвокультурного сообщества, как и функции интертекстуальных включений. Так, Н. А. Фатеева выделяет следующие функции интертекста:

- «транслирование в тексте некоторой мысли или конкретной формы представлений, объективированных до существования данного текста;
- ввод данного текста в более широкий культурно-литературный контекст;
- создание подобия тропеических отношений на уровне текста, благодаря конструкциям «текст в тексте» и «текст о тексте»;
- порождение нового текста» [4, с. 37].

Таким образом, интертекстуальность следует считать неотъемлемым свойством текстов, благодаря которому порождение и восприятие одного текста зависит от знакомства с другим/другими предтекстами [5, S. 279]. Все выше изложенное означает, что наличие (большого количества) интертекстуальных включений в произведении является, по мнению Л. И. Гришаевой, «фактором риска в переводческой деятельности» [6, с. 46].

Прецедентные тексты представляют собой особого рода тексты, так как они имеют в своей когнитивной структуре определенный набор ядерных сведений, который во всех интерпретациях и во все

времена остается неизменным и легкоузнаваемым для многих поколений той или иной культуры. Представляя собой своеобразный механизм вербализации действительности, прецедентные феномены являются своего рода «культурной скрепой», обеспечивающей преемственность и континуальность в пределах одной лингвокультуры. Кроме того, прецедентные феномены всегда связаны с фундаментальными ценностными ориентациями соответствующей культуры и вследствие этого активизируют «значимые для носителей этой культуры гетерогенные, гетероструктурные и гетерохронные сведения о мире» [7, с. 33].

Поэтому передача интертекстуальных включений (в нашем понимании прецедентных текстов) в тексте перевода (далее – ТП) является сложной задачей для переводчика, прежде всего потому, что интертекстуальные элементы и их связи с основным повествованием нередко трудно распознаются представителями одной лингвокультуры, не говоря уже об изучающих иностранный язык. Кроме того, исследуемое явление часто имеет ярко выраженную культурную специфику, неизбежно сказывающуюся на механизмах вербализации сведений в исходном тексте (далее – ИТ), т. е. в выборе соответствующих номинативных и дискурсивных стратегий. Тем не менее переводчик как посредник между двумя культурами, даже верно распознав тот или иной прецедентный текст в оригинале произведения и его интертекстуальные связи с основным повествованием, должен выбрать не только то, как передать это явление в ТП, но и то, можно ли вообще оставить данное интертекстуальное включение в переводном варианте или же необходимо отказаться от этого.

Как уже было ранее замечено, наибольшую насыщенность прецедентными текстами обнаруживают публицистические тексты и произведения художественной литературы, например романы Ф. М. Достоевского. Бесспорно, Ф. М. Достоевский является великим писателем, обогатившим русскую литературу многими замечательными произведениями, которые заслуженно приобрели мировую известность, поскольку они затрагивают вечные вопросы о смысле человеческого бытия и обращаются к фундаментальным человеческим ценностям.

В статье исследуются наиболее известные не только в России, но и в мире роман «Преступление и наказание» [8] и его переводы на немецкий язык, выполненные А. Элиасбергом (ТП 1) [9] и Г. Рёлем (ТП 2) [10], а также роман «Братья Карамазовы» [11; 12] и его перевод на немецкий язык в исполнении Г. Рёля (ТП 3) [13]. Данные переводы были выбраны потому, что они выполнены в начале XX в. и хронологически минимально удалены от времени появления оригиналов анализируемых произведений.

В романе «Преступление и наказание» писатель проводит мысль о том, что утверждение «своего

права заканчивается катастрофой, падением человека и погружением во мрак. И только смирение и покаяние ведет к спасению [8]. В оригинальном тексте анализ позволил выделить 54 прецедентных текста. Исследование показало, что в изучаемых произведениях доминирующими прецедентными текстами, к которым происходит апелляция, является Библия. Данное обстоятельство обусловило, очевидно, тот факт, что обоими переводчиками все выделенные в оригинале интертекстуальные включения были распознаны безошибочно, поскольку библейские сюжеты, известные высказывания и многие действующие лица в этих историях стали достоянием христианской и основой мировой культуры. Кроме того, здесь содержатся упоминания о других знаменитых исторических личностях и событиях.

В ходе исследования было также установлено, что доминирующим способом реализации интертекстуальных связей в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» является аллюзия (60,2 % случаев). Реже происходит обращение к именам собственным, ставшими прецедентными (26,7 %); в наименьшем количестве случаев используется скрытое или прямое цитирование (13,1 %).

Приведем пример прямой аллюзии из романа «Преступление и наказание». В одной из сцен Родион Раскольников высказывает уверенность в том, что его друг Разумихин готов ради него принять любые страдания, как Христос принял муки за весь род людской:

Оригинал:

Ведь вот этот человек за меня на распятие пойдём, а ведь очень рад, что разъяснилось, почему я о колечках в бреду поминал! [8, с. 244].

ТП 1:

Dieser Mensch wird sich für mich kreuzigen lassen, und doch ist er so froh, daß es sich nun aufgeklärt hat, warum ich von den Ringen phantasiert habe! [9, S. 315].

ТП 2:

Der gute Mensch hier würde sich für meine Unschuld ans Kreuz schlagen lassen, und doch ist er froh, daß es sich, wie er meint, aufgeklärt hat, warum ich im Fieber von Ringen geredet habe! [10, S. 152].

При передаче данного интертекстуального включения средствами немецкого языка происходят **изменения в номинативных и дискурсивных стратегиях**¹. Оригинальная конструкция с финитным глаголом

¹ Изменение *номинативных стратегий* – несовпадение по функциональной нагруженности и сфере приложений средства в исходном тексте и в их адаптации в тексте перевода. Изменение *дискурсивных стратегий* – изменение в речевой семантике, в выборе грамматических средств реализации интенции или получение на выходе текста другого типа. В результате таких изменений при вербализации сведений об

пойдет (на распятие) была заменена в обоих ТП синонимичной страдательному залогу аналитической конструкцией *sich lassen* + *Infinitiv*. При этом А. Элиасберг (ТП 1) передает ее на немецкий язык при помощи формы будущего времени Futur I (*wird sich kreuzigen lassen*), которая выражает довольно высокую степень уверенности в том, что действие будет исполнено. Г. Рёль (ТП 2) использует глагольную конструкцию Konditional I в сослагательном наклонении, которая выражает некое предположение и меньшую степень уверенности (*würde sich ans Kreuz schlagen lassen*).

Примером скрытой аллюзии в романе «Преступление и наказание» и его переводах на немецкий язык является мотив тридцати сребреников, платы за предательство, которую получил Иуда, согласившийся выдать Иисуса Христа первосвященникам. В романе это число получает символическое значение: в девять часов вечера Соня выложила тридцать целковых перед Катериной Ивановной и тем самым принесла себя в жертву ради спасения голодных детей; последние тридцать копеек Соня вынесла Мармеладову на похмелье, и он не мог в эту позорную для него минуту не ощущать себя Иудой; Марфа Петровна выкупила Свидригайлова из долговой ямы за тридцать тысяч, а тот предал ее [8]. Вот как Ф. М. Достоевский описывает сцену, когда Соня приносит деньги Катерине Ивановне:

Оригинал:

Пришла, и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней тридцать целковых молча выложила [8, С. 45].

ТП 1:

Sie ging geradeswegs auf Katerina Iwanowna zu und legte stillschweigend dreißig Silberrubel vor ihr auf den Tisch [9, S. 25].

ТП 2:

Sie kam heim, ging gleich auf Katerina Iwanowna zu und legte vor ihr schweigend dreißig Rubel auf den Tisch [10, S. 10].

Несмотря на то, что интертекстуальные связи в романе переводчиками распознаются, оба снова вынуждены задействовать иные механизмы вербализации сведений из оригинала романа. Так, А. Элиасберг (ТП 1) прибегает в этом случае к экспликации смысла. В царской России разговорное обозначение *целковый* использовали для обозначения «целого» рубля, т. е. полновесного серебряного в отличие от бумажного, реальная стоимость которого составляла в 1812 г. около трети серебряной монеты. В отличие от Г. Рёля (ТП 2), который использует нейтральное обозначение денежной единицы с числительным *dreißig Rubel*, А. Элиасберг делает акцент на том, что рубль

был серебряным (*dreißig Silberrubel*). Однако и в том, и другом случае происходит нейтрализация исходного значения и потеря колорита эпохи, в которой происходит действие романа.

Апелляция к прецедентным феноменам в «Преступлении и наказании» происходит и при помощи обращения к именам собственным, ставшим прецедентными. Например, имя собственное *Лазарь* употребляется в романе в прямом значении, т. е. там, где происходит апелляция к сюжету о воскрешении библейского героя Лазаря. Эта евангельская легенда становится центром, который идейно и структурно формирует «Преступление и наказание»: история Лазаря предвещает Воскресение Христово, а в романе – возрождение духовности человека, уверовавшего в Бога и отказавшегося от жизни в грехе:

Оригинал:

И-и в воскресение Лазаря веруете? [8, с. 258].

ТП 1:

Und ... glauben Sie auch an die Auferstehung des Lazarus? [9, S. 336].

ТП 2:

Und ... und glauben Sie an die Auferstehung des Lazarus? [10, S. 162].

В обоих ТП имя собственное *Лазарь* приобретает против правил немецкого языка определенный артикль: *des Lazarus*. Определенный артикль подчеркивает исключительность данной личности и соответствует в данном случае функции указательного местоимения *tot самый*, что подчеркивает уникальность данного героя.

«Братья Карамазовы» – последний, самый объемный и один из наиболее известных романов писателя. Он обращает читателя к вечным нравственно-философским вопросам о грехе, воздаянии, сострадании и милосердии. Сквозь призму истории провинциальной семьи Карамазовых автор повествует об извечной борьбе божественного и дьявольского начала в человеке душе [11; 12].

В оригинале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» был выделен 171 прецедентный текст. В ТП все интертекстуальные включения были распознаны, поскольку, как правило, речь снова идет об известных библейских сюжетах и связанных с ними персонажей, а также о других известных исторических личностях, произведениях русской и мировой литературы и т. д.

Основным способом реализации интертекстуальных связей в данном романе и его переводе на немецкий язык (ТП 3) в данном случае являлось прямое или скрытое цитирование (56,1 % случаев). Использование имен собственных в качестве средства активизации сведений о том или ином прецедентном тексте происходит в 34,3 % случаев, а аллюзии встречаются в 9,6 % случаев.

одном и том же фрагменте действительности может меняться точка зрения на ситуацию, действующих субъектов и объекты окружающей действительности [14, с. 201–202].

Приведем пример прямого цитирования из романа «Братья Карамазовы». Стремясь сделать свою обвинительную речь, направленную против Мити, более яркой и запоминающейся, а также произвести впечатление на присяжных, прокурор Ипполит Кириллович обращается к знаменитой цитате из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?»:

Оригинал:

Великий писатель предшествовавшей эпохи, в финале величайшего из произведений своих, олицетворяя всю Россию в виде скачущей к неведомой цели удалой русской тройки, восклицает: «Ах, тройка, птица тройка, кто тебя выдумал!» – и в гордом восторге прибавляет, что пред скачущей сломя голову тройкой почтительно сторонятся все народы [12, с. 218].

ТП 3:

Unser großer Schriftsteller Gogol personifiziert im Finale seines größten Werkes ganz Rußland in dem Bild einer mutigen russischen Troika, die einem unbekanntem Ziel zujagt, und ruft aus: »O du Troika, du beflügelte Troika, wer hat dich erfunden?« Und in stolzem Entzücken fügt er hinzu, daß vor dem dahinsausenden Dreigespann alle Völker respektvoll zur Seite treten [13, S. 936].

При передаче высказывания великий писатель предшествовавшей эпохи средствами немецкого языка переводчик Г. Рёль прибегает к экспликации и уточнению высказывания из оригинала. Осознавая тот факт, что немецкий читатель в отличие от русского может быть не знаком с цитатой из произведения «Мертвые души», переводчик считает необходимым уточнить, что под великим писателем Ф. М. Достоевский имеет в виду Н. В. Гоголя (*unser großer Schriftsteller Gogol*). А обращение *птица тройка*, состоящее из двух существительных, переводчик заменяет словосочетанием Partizip II + Substantiv (*beflügelte Troika*), получая в результате *окрыленную тройку (beflügelt – mit Flügeln versehen, ausgestattet; geflügelt)*. При этом в немецком переводе затранскрибированная переводчиком реалия *Troika*, которая используется здесь в качестве имени собственного и подчеркивает колорит контекста, дважды сопровождается личным местоимением *du*, которого нет в оригинале. Это переводческое решение является оправданным, поскольку данного местоимения, используемого в качестве обращения, позволяет немецкому читателю понять вторую часть предложения: *wer hat dich erfunden?* Если бы Г. Рёль не обратился к местоимению, то немецкий читатель мог бы и не понять, что под *dich* подразумевается *тройка*, а не человек. В дальнейшем переводчик заменяет русскую реалию *тройка* на имеющийся в немецком языке эквивалент *Dreigespann (= Gespann mit drei Pferden)*.

Приведем пример аллюзии из романа «Братья Карамазовы». В эпилоге Алеша пытается убедить брата Дмитрия бежать в Америку. Алеша уверен, что его брат не убивал отца, а потому ему не нужно отправляться на каторгу, которую Алеша считает большой крестной мукой. Упоминание *креста, крестной муки* отсылает нас к библейским мотивам, т. е. ситуации распятия невинного за чужие грехи:

Оригинал:

To, что ты не принял большой крестной муки, послужит только к тому, что ты оцутишь в себе еще больший долг... [12, с. 297].

ТП 3:

Der Umstand, dass du die große Kreuzesqual nicht auf dich genommen hast, wird nur dazu dienen, dass du in dir eine noch größere Verpflichtung empfindest... [13, S. 1019].

Словосочетание *крестная мука*, представляющее собой синтаксическую конструкцию «прилагательное + существительное», переводится на немецкий язык как *Kreuzesqual*, которое является атрибутивным сложным словом, образованным при помощи словосложения со связующим элементом *-es (determinative, nicht eigentliche Zusammensetzung)*.

Примером апелляции к именам собственным, ставшим прецедентными, являются, например, имена героев драмы Фридриха Шиллера «Разбойники». Оценивая поведение своих сыновей, Федор Павлович сравнивает Ивана Федоровича с Карлом Мором, Дмитрия Федоровича – с Францем Мором, а себя – с их отцом, графом фон Мором. В Иване Федоровиче отец видит доброго и благородного юношу (Карл Мор – положительный герой драмы, став разбойником, он грабит богатых и помогает обездоленным). Дмитрий Федорович сравнивается с Францем Мором, циничным человеком, стремящимся к власти и деньгам. Федор Павлович не мог воспринимать его иначе и не хотел делиться с ним деньгами. Кроме того, сын и отец соперничали из-за Грушеньки:

Оригинал:

Это мой почтительнейший, так сказать, Карл Мор, а вот этот сейчас вошедший сын, Дмитрий Федорович, и против которого у вас управы ницу, – это уж непочтительнейший Франц Мор, – оба из Разбойников Шиллера, а я, я сам в таком случае уж Regierender Graf von Moor! [11, с. 84–85].

Перевод:

Das ist mein respektvollster, ich möchte sagen, Karl Moor! Der aber, mein Sohn Dmitri Fjodorowitsch, der eben hereinkam und gegen den ich bei Ihnen Recht suche, das ist ein ganz respektloser Franz Moor! Beide Personen aus Schillers »Räubern«, und ich selbst bin der regierende Graf Moor! [13, S. 109].

Имя Карла Мора в оригинале и переводе «Братьев Карамазовых» сопровождается притяжательным

местоимением 1-го л. ед. ч. (*mein respektvollster Karl Moor*). Что касается Франца Мора, то его имя сопровождается неопределенным артиклем при переводе (*ein ganz respektloser Franz Moor*), как с именами нарицательными. Г. Рёль пытается передать авторскую интенцию Ф. М. Достоевского, который говорит не столько о героях произведения Шиллера, сколько о типах личности, обладающих похожими чертами характера.

Таким образом, анализ немецкоязычных переводов романов Ф. М. Достоевского, что интертекстуальные связи, реализуемые с помощью прецедентных текстов, представляют сложности для переводчиков, что отражается в изменениях в номинативных и дискурсивных стратегиях, к которым они вынуждены прибегать в процессе передачи интертекстуальных включений из текста оригинала средствами немецкого языка. Во многом это связано с несовпадениями в системах немецкого и русского языков и различиях в механизмах активизации и вербализации сведений об одном и том же фрагменте неязыковой действительности, что особенно хорошо заметно именно на макротекстовом уровне. Однако, как показало проведенное лингвистическое исследование, многие трансформации лексико-грамматического, стилистического и синтаксического характера связаны также с тем, что переводчики имеют определенную свободу при выборе переводческих решений. Данный факт во многом отражает индивидуальное восприятие переводчиком текста оригинала, что, в свою очередь, может выразиться в конечном счете в разном прагматическом воздействии текста оригинала и текстов перевода на реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 809 с.

Воронежский государственный университет

Семочко С. В., доцент кафедры немецкой филологии

E-mail: semosvet71@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 220-84-58

2. Кристева Ю. Избранные труды : разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

3. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности : [пер. с фр.] / Н. Пьеге-Гро ; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.

4. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов : контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.

5. Metzler Lexikon Sprache / Hrsg. von Helmut Glück. – Stuttgart, Weimar : J. B. Metzler Verlag, 1993. – 711 S.

6. Гришаева Л. И. Интертекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности / Л. И. Гришаева // Язык, коммуникация и социальная среда / под ред. В. Б. Кашкина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т ; НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – Вып. 10. – С. 46–68.

7. Гришаева Л. И. Введение. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. – С. 15–47.

8. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – М. : Художественная литература, 1957. – 517 с.

9. Dostojewski F. Schuld und Sühne / F. Dostojewski. – Aufbau Verlag, 1956. – 346 S.

10. Dostojewski F. Verbrechen und Strafe / F. Dostojewski. – Potsdam, 1924. – 708 S.

11. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1982. – Т. 11. – 623 с.

12. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1982. – Т. 12. – 542 с.

13. Dostojewski F. Die Brüder Karamasow / F. Dostojewski. – Köln : Verlag Anaconda, 2010. – 1148 S.

14. Семочко С. В. Маркеры внутри- и межкультурной адаптации в когнитивном ракурсе / С. В. Семочко // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2. – С. 198–210.

Voronezh State University

Semochko S. V., Associate Professor of the German Philology Department

E-mail: semosvet71@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 220-84-58